

**СЕРБИНОВ П. И. — в ГПУ,
ПОМПОЛИТ**

СЕРБИНОВ Петр Иванович. Протоиерей, настоятель Александро-Невского собора в Ялте. 9 января 1906 — после проведения панихиды по жертвам "Кровавого воскресения" и распространения воззваний против самодержавия, Синода, местных епархиальных властей переведен служить в Алушту под надзор полиции. В феврале 1921 — арестован «за контрреволюцию», в марте приговорен к расстрелу. В апреле 1921 — в его защиту обратились в ГПУ с ходатайствами от татарской, еврейской, греческой и русской общин.

<1 апреля 1921>

«Товарищу Начальнику Особых Отделов
4-й Армии и Крыма

Мы, нижеподписавшиеся граждане, члены Алуштинского Татарского Общества, настоящим удостоверяем, что священник Алуштинской церкви протоиерей Петр Иванович Сербинов за время пребывания своего в городе Алуште в политических делах никогда никакого участия не принимал. Когда была здесь в Крыму власть Врангеля, и войска его обижали мирных жителей, священник Петр Иванович Сербинов всегда первым шел на защиту, к какой бы национальности люди не принадлежали и какой бы политической партии они не были. Мы удостоверяем, что священник Петр Иванович Сербинов защищал людей, арестованных за принадлежность к большевизму еще в самом начале Октябрьской революции, когда в начале 1918 года в Крыму немцы преследовали большевиков, а впоследствии — когда большевиков преследовала власть Деникина и Врангеля, преследуемые люди всегда находили защиту у священника Петра Ивановича Сербинова.

Мы утверждаем, что, вообще, священник Петр Иванович Сербинов всегда защищал обиженных; ничего плохого мы от него не видели и, вообще, мы знаем его, как хорошего человека.

А потому мы, ниже подписавшиеся, убедительно просим освободить священника Петра Ивановича Сербинова из-под ареста.

1-го апреля 1921 года. г<ород> Алушта.

Подлинное подписали 62 человека»¹.

Подобные письма подписали: от еврейской общины — 67 человек², от греческой общины подписали 154 человека³. В конце апреля 1921 — протоиерей Петр Сербинов был освобожден, выехал в Ялту и продолжил служение в кафедральном соборе. В период 1924-1926 — не раз вызывался для допросов в ГПУ, арестовывался, но, благодаря заступничеству прихожан, через 4-6 месяцев освобождался. В августе 1927 — вновь арестован и заключен в тюрьму. В декабре 1927 — обратился с заявлением в ГПУ.

<10 декабря 1927>

«Уполномоченному Ялтинского ГПУ
тов<арищу> МОДИНУ

Сербинова
Петра Ивановича

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 406. С. 54. Машинопись.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 406. С. 55. Машинопись.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 406. С. 56. Машинопись.

ЗАЯВЛЕНИЕ

В виду обследования моей деятельности за время моего проживания в гор<оде> Алуште с 1906 г<ода> по 1921 год считаю долгом заявить, что означенная деятельность была уже в свое время тщательно и подробно обследована Особым Отделом 4-й армии и Крыма, в течение марта и апреля 1921 года, т<о> е<сть> в период военного положения в Крыму, в условиях самой строгой чистки Крыма от контрреволюционных и прочих политических элементов. Я был тогда арестован и отправлен в Особый Отдел в г Симферополь, и следствие надо мной велось под непосредственным наблюдением Начальника Особых Отделов 4-й Армии и Крыма тов<арища> Михельсона, следовательно, в обстановке особой строгости и беспощадности.

Однако, я был признан не только невиновным, но при освобождении тов<арищ> Михельсон возвратил мне со словами: "Вам это в будущем может пригодиться", — подлинники ходатайств о моем освобождении со стороны делегации, прибывшей в г<ород> Симферополь, от татарского, еврейского, греческого и русского населения гор<ода> Алушты. Мне кажется, что изложенные в них факты, помимо имеющегося в моем распоряжении материала, в достаточной степени характеризуют мою деятельность в гор<оде> Алушта, и во всяком случае будут более достоверны, чем сведения, собираемые ныне через семь лет после того, как я оставил Алушту, будучи опять избран народом того прихода в гор<оде> Ялте, которого по требованию гражданской власти я был лишен в январе 1906 года. Прилагаю копии 3-х этих ходатайств и самые подлинники: татарский, еврейский, греческий. Подлинники прошу возвратить сейчас же по прочтении.

1927 г<ода> дек<абря> 10-го.

Гор<од> Ялта.

Протоиерей Петр Сербинов⁴.

15 апреля 1928 — протоиерей Петр Сербинов был освобожден и выехал в Красноармейск. 5 декабря 1928 — вновь арестован, 29 марта 1929 — приговорен к высылке из Ялты с ограничением проживания на 3 года (-6). Поселился в Середине-Буде Черниговской области. В ноябре 1930 — обратился за помощью в Помполит.

<2 ноября 1930>

«В Комитет помощи политическим заключенным

Политически высланного
Сербинова Петра Ивановича

Заявление

В печати сейчас появились сведения об ознаменовании двадцатипятилетия революционного движения 1905 г<ода> — предтечи нынешней революции. Так как я в этом движении в Крыму и, в частности, в г<ороде> Ялте принимал активное участие, завершившееся для меня целым рядом со стороны царского правительства и ведомства православной церкви репрессий, включительно до высылки из Ялты и отдачи под надзор полиции в течение 13 лет, а, с другой стороны, так как я и в то время занимал ответственное общественное положение, будучи настоятелем Ялтинской Александро-Невского Собора, только что построенного и называвшегося "царским Собором" (в память Александра II

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 406. С. 57. Машинопись.

и Александра III), и близко соприкасался, благодаря продолжительному пребыванию царской фамилии и царского двора на Южном берегу Крыма, к высшим правящим сферам, наблюдал их деятельность и их закулисную жизнь, а также, в силу положения приходского священника главного центрального храма в городе, будучи хорошо знаком в настроением в народе и с общественной жизнью в г<ор>оде Ялте и ее уезде (т<о>е<сть> всего Южного берега), при создавшемся у меня тогда еще совершенно отрицательном отношении и к этим "сферам", и к правящему классу официальной государственной церкви, то очевидно, что мои воспоминания и тот документальный материал, который о том времени у меня сохранился в немалом количестве (копии секретных донесений по начальству о нашем деле и настроениях, вырезки из газет местных и другими заметками и корреспонденциями о ялтинских событиях; указания на журнальные статьи того же времени и о том же и т<ак> д<алее>), — все это несомненно должно представлять большой интерес. К сожалению, находясь теперь в ссылке, я не имею с собою всего материала, в большинстве оставшегося в Ялте, но кое-что из документов имею с собой и здесь. Вот и теперь посылаю некоторые копии документов, на которых видно мое активное участие в событиях 1905, 1906 и дальнейших годов. А некоторые важные документы взяты у меня при неоднократных в последнее время обысках; они должны находиться в делах ГПУ.

Если это, несмотря на мое классовое положение, все-таки имеет общественный интерес, то я был бы очень рад узнать то учреждение или ту организацию, с которой по этому поводу я мог бы войти в деловое сношение и сообщить тот материал, который для истории русской революции несомненно имеет или будет иметь исторический интерес.

Однако, прежде чем начинать это дело, для меня лично очень важное, тем более, что состояние моего здоровья сейчас настолько тревожное, что я имею основание думать о грозящей мне скорой жизненной развязке, я должен объяснить относительно моего классового положения.

Я священник, да еще Сергиевской ориентации. При настоящей классовой непримиримости и жестокой борьбы партии со всеми гражданами, принадлежащими к классам, которые признаются идеологически враждебными к Советской власти, ясно и понятно, что со мною могут и не пожелать даже разговаривать. Но я позволю себе утверждать, опираясь на весь имеющийся обо мне материал в учреждениях ГПУ, что я не был и не состою в рядах врагов Советской власти. Правда, я высланный, квалифицирован как контрреволюционер, но я прекрасно понимаю, что при создавшихся у нас взглядах и отношениях власти к религии и, в частности, к Православной Церкви — этому в царский период государственному учреждению, иначе со мной и поступить нельзя было. Ведь я все же в Крыму был не незаметный и заурядный священник, а бывший активист, хотя и в области чисто церковной. Однако, факт существования Советской власти ничуть не мешал и не мешает моим религиозным убеждениям, в силу которых я обязан подчиняться преобладающей власти, которая к тому же, по моему мнению, своим отношением к организациям религиозным даже способствует оздоровлению загнившей атмосферы церковной. Я больше уже не собираюсь продолжать служение на приходе в качестве священника, так как считаю себя вышедшим совсем за штат, но сана снимать-таки не собираюсь, а особенно не собираюсь после сорокалетнего священствования, к выступлению публичному и унижительному просто для человеческого достоинства — с заявлением, что бросаю священство, так как осознал, что всю свою сознательную жизнь я только "обманывал народ"! Когда меня гнали из Ялты в 1905

г<оду>, и народ просил епископа Алексея меня оставить на месте, то особой депутации от города Ялты, приехавшей к нему с этой просьбой, этот Владыка заявил: "Согласен его оставить, если он публично, в печати, заявит, что все его теперешние выступления — есть результат недомыслия!" Депутация ответила: "Бесполезно, он этой гнусности не сделает!"

Я убежден, что Советская власть такое поведение также расценило бы!

Итак, я "бывший служитель культа" признавал по совести и признаю без всяких оговорок Советскую власть.

Думаю, что лучшим подтверждением этого может подтвердить следующий факт.

В начале 1921 г<ода> Советская власть закрепились в Крыму, и верующие гор<ода> Ялты потребовали моего возвращения на старое место настоятеля собора. После 15-летнего перерыва я вновь возвратился в том же году в Ялту. Однако власть, проверявшая население, арестовала меня, по-видимому, как священника, т<ак> к<ак> Ялта для священников, бежавших за границу, была последним убежищем. Я был посажен в тюрьму и затем приговорен к расстрелу, но после тщательного расследования выпущен на свободу и вступил в отправление своих обязанностей по приходу Собора. Затем, кажется, не без участия обновленцев я снова арестовываюсь в 1925, 1926, 1927 и, наконец, в 1928 г<годах>. Просиживал я в Допрах от 4 до 6 месяцев, и каждый раз после тщательного расследования был освобождаем и возвращаем на место своей службы. Только с последний раз, будучи арестован 5 декабря 1928 г<ода>, я 29 марта был выслан минус шесть и поселился на Украине в гор<оде> Середина-Буда Черниговской области. Тогда положение в Ялте создалась очень напряженное, власти принялась энергично за чистку населения в пограничной полосе и одновременно за закрытие зданий храмов, пострадавших от землетрясения; большинство духовенства там было арестовано; ясно, что со мною, как представителем духовенства, иначе поступить было невозможно. Это неизбежный результат классовый борьбы!

А теперь у меня есть к Комитету помощи политическим просьба:

1. По случаю десятилетия в этом месяце взятия Крыма, а также 25-летия Октября 1905 года, а значит, и 25-летия моей высылки из Ялты прошу ходатайствовать пред ОГПУ и разрешить мне в 1931 году, последнем (5 декабря 1930 года — третьем году моей высылки из Крыма), поездки в Ялту с целью разыскать и систематизировать все документы и, вообще, письменные памятники событий в Ялте, связанные с октябрём 1905 и моею тогдашнею высылкой — для отправки их в те учреждения, которые заинтересуются этим материалом.

Выдать мне или исходатайствовать пред местной власти (Середино-Будский район) продовольственную карточку на получение хлеба и керосина. Здесь я буквально отдан на произвол жестокой спекуляции и обречен на голодовку. Хлеб ржаной по карточке 6 к<олеек> фунт, а в вольной продаже 30-35 коп<еек> фунт; керосина нам совсем без карточки не дают, у купить у частника — значит заплатить 1 р<убль> - 1р<убль> 50 к<олеек> за один литр! В эти долгие зимние вечера я обречен на сидение во мраке, а ведь это прямо один ужас! Без карточки здесь нельзя ничего купить из посуды ни стакана, ни блюда и вообще нельзя приобрести самого обыденного, без чего человеку, только лишь потому, что он человек, а не гад какой-нибудь, жизни нет. На днях я перебрался с квартиры, в которой за одну комнату платил ежемесячно 15 руб<лей>, в хижинку бедной женщины, уехавшей из Буда и сдавшей мне эту хибарку из одной комнаты за 3 рубля в месяц. Что же! Администрация с меня, как

бывшего служителя культа, за прописку при перемене квартиры потребовала 10 рублей!

Пришлось уплатить.

Вот все те блага, о даровании которых за все прежние страдания в памяти их 25-летия, я и прошу исходатайствовать для меня.

1930 года, ноябрь 2-го дня

Гор^{од} Середино-Буда,

1-й Советский переул^{ок}, д. № 6.

Сербинов Петр Иванович, под № 1970»⁵.

На письме — помета секретаря ПКК:

«Повтор заявл^{ения} в ОГПУ. 13/ХI».

⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 521. С. 233-238. Автограф.